

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-33-40

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЛЮТТОНИМОВ В УСЛОВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ХАРРИС «ПЯТЬ ЧЕТВЕРТИНОК АПЕЛЬСИНА»)

Петришина Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются способы повышения информативности декодирования словесной ткани художественного произведения за счёт применения возможностей дискурсного анализа, что значительно обогащает выявляемый глубинный смысл. Автор обосновывает необходимость привлечения экстралингвистической информации на разных этапах исследования, что способствует активации тезауруса инокультурного реципиента. В заключение анализа делается вывод о том, что текстовые единицы приобретают в дискурсном языке культуры дополнительную семантику с особыми коннотативными, образными, оценочными и ассоциативными характеристиками.

Ключевые слова: глуттонический дискурс, концепт, антропонимы, авторская оценка, глубинный смысл.

LEXICO-STYLISTIC PECULIARITIES OF GLUTTONY USAGE IN A LITERARY TEXT (STUDY OF FIVE QUARTERS OF AN ORANGE BY J.HARRIS)

E. Petrishina

*Moscow State Regional University
10A, Radio str., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract: The article presents different ways of increasing informative value of text analysis or decoding by applying methods of discourse analysis, which significantly enriches the underlying conceptual information of the text. We try to prove that only by involving extralinguistic data at different stages of analysis, a reader with a different cultural background can fully activate his personal thesaurus and understand the text deeper. The conclusion is that textual units can get additional semantics with special connotative, imaginative, evaluating, associative characteristics when analyzed from discursive cultural angle.

Key words: gluttony discourse, concept, anthroponomy, author's evaluating, underlying conceptual information of the text.

В последние годы в лингвистике наблюдается возрастающий интерес к изучению дискурса [5; 6; 7; 8], в частности глуттонического [4]. Это объясняется ря-

© Петришина Е.Ю., 2016.

дом факторов. Во-первых, глоттонический дискурс является одним из ведущих типов ежедневной коммуникации, а, следовательно, неотъемлемой частью человеческой жизни. Во-вторых, данный феномен недостаточно изучен с точки зрения прикладной лингвистики и интерпретации текста. Это обусловило **цель данной статьи** – показать, что информативность текстового, чисто филологического анализа словесной ткани художественного произведения благодаря применению возможностей дискурсного анализа разительно повышается и значительно обогащает выявляемый глубинный смысл.

Остановимся на базовых для данной статьи терминах: **текст** и **дискурс**, нередко противопоставляемых. Однако в условиях романа Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина», насквозь пронизанного различного рода интертекстуальными ссылками, именно их диалектическое единство помогает раскрыть глубинный смысл произведения. Под **текстом**, принимая за основу определение И.В. Арнольд, мы понимаем «внутренне связанное, законченное целое, обладающее идейно-художественным единством» [1, с. 60]. **Дискурс** же мы понимаем как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и прочими факторами, взятыми в событийном аспекте» [2, с. 137]. Именно **целенаправленность** и **иллокутивность** отличают дискурс. И именно с этих позиций проводится предпринятое исследование.

Как известно, глоттонический дискурс является частью национальной культуры и не только неразрывно

связан с мировоззрением людей, но и способствует формированию языковой картины мира представителей любого лингвокультурного сообщества. Не случайно говорят: «Скажи мне, что ты ешь – и я скажу, кто ты». Едва ли найдётся текст без описания рациона питания главного действующего лица или хотя бы одного его приёма пищи. Мы едим, чтобы жить. Таким образом, можно предположить, что глоттонический дискурс используется во всех сферах жизнедеятельности человека и реализуется как в прецедентных текстах, так и в художественной литературе.

Изучение дискурсной составляющей невозможно без изучения сюжетной линии романа. В романе Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина» главная героиня в наследство от матери получает тетрадь с кулинарными рецептами, на полях которой хозяйка вела своеобразный дневник истории их семьи. Тщательное изучение этих незамысловатых, а иногда – таинственных, заметок становится ключом к счастью наследницы поваренной книги. По нашему мнению, такая удивительная форма подачи материала, безусловно, влияет и на качество содержания. Более того, данное отличительное свойство указанной книги определило выбор метода анализа.

Заявленный дискурсный анализ нацелен не только на интерпретацию смысла каждой отдельной единицы текста, а также её импликаций и пресуппозиций, но и на исследование когнитивных, ментальных процессов участников коммуникации, а точнее, на определение соотношения общего и конкретного, субъективного и общепринятого, эксплицитного и имплицитного, т.е. оценочного значения в словесной ткани текста.

В результате тщательного изучения романа было установлено, что проявления доминирующего концепта весьма различны. Лексические единицы (далее – ЛЕ), имеющие в своей дефиниции знак смысла *Food*, были отнесены к ядру изучаемого концепта. Эту группу составляют *знаки-глуттонимы* (*знаки-пищи*) и *знаки-инструментативы* (обозначения задействованных при приготовлении пищи *инструментов*), общим объёмом 120 единиц.

В приядерную зону вошли ЛЕ, не имеющие знаков смысла в словарной статье, но способные развивать смысловые связи с ядром. Эту группу составляют 236 ЛЕ. Группа не гомогенна: содержит *знаки-персоналии* (участники приготовления пищи) и *знаки-квалификаторы* (определяющие единицы). В эту же группу нами были отнесены глуттонически-ориентированные антропонимы (имена собственные), хотя их связь с ядром концепта строится лишь на контексте. Однако эта группа является наиболее значимой для определения глубинной информации текста. С её помощью автору романа удаётся оказать на читателя многоуровневое воздействие (и в этом мы усматриваем яркое проявление дискурсивности – т.е. автор, взывая к читательскому опыту, устанавливает диалог и напрямую общается с реципиентом) и точно передать образы героев, их характер и образ жизни. Образные метафоры придают особый колорит, позволяя читателю лучше «проникнуть» в содержание.

Рассмотрим имена героев произведения. Как ни странно, книга написана на английском языке, но особенно значимые ЛЕ, и имена собственные в частности, написаны на французском.

Примечательно, что переводчики книги на русский язык предпочли оставить это авторское решение, транслитерировав имена, лишь дав пояснения в сноске: *Noisette* (*Нуазетт*), *Pistache* (*Писташ*), *Cassis* – *чёрная смородина*, *Framboise* – *малина*, *малиновый ликер*, *Reine-claude*; *reINETTE* – *ранет*, *сорт яблоч с изысканным вкусом*; *reINE* – *королева*. Подобная языковая вольность также является элементом дискурсивности – помимо диалога «автор – читатель», происходит диалог культур – английской, французской, немецкой и (в переводе) русской. Рассмотрим этот феномен с позиций раскрытия глубинного смысла романа.

Имя собственное *Noisette* со значением ‘лесной орех, лещина’ имеет яркую ассоциативную составляющую и придаёт героине оттенок диковатости, отчуждённости, замкнутости. Человек с подобным именем представляется нелюдимым, скрытным, своенравным, любящим уединение, что и подтверждается текстом романа: *Noisette, my secret favourite, is more like me: sly and rebellious, black eyes like mine and a heart full of wildness and resentment... Her letters are flat and dutiful. Her marriage has ended badly. She works as a waitress in an all-night café in Montreal. She refuses my offers of money* [9, p. 31–32].

Имя собственное *Pistache* – ‘фисташка’ – создаёт образ, характеризующийся большей насыщенностью, полнотой, яркостью. Интересным представляется тот факт, что данное имя содержит указание на цветовую гамму – зелёный цвет, также богатый на ассоциативный ряд. Описание данных героев в романе подтверждает вышеизложенную интерпретацию: *Pistache is the woman ReINETTE might have been? Plump and trusting? Gentle with*

her children and fierce in their defence, with soft brown hair and eyes as green as the nut from which she takes her name [9, p. 32]. В приведённом примере образ выстраивается за счёт антитез: *gentle – fierce, nut-soft, brown-green*. Даже противопоставление имён *Pistache – ReINETTE* (известный сорт слив) демонстрирует контрастность глуттонически-ориентированных антропонимов. Целесообразно отметить, что с помощью данного стилистического приёма автор романа успешно повышает убедительность своих образов и манипулирует читательским восприятием.

Использование глуттонически-ориентированных антропонимов в романе демонстрирует национальную особенность народа, в данном случае – французского: почтенное, культовое отношение к кулинарии и перенесение её элементов в другие сферы окружающей действительности. Можно утверждать, что подобное отношение характеризует личность самого автора, рождённого в франко-английской семье. Языковая личность автора ярко проявляется при анализе периферийной зоны концепта *Food*, где реализуются индивидуально-авторские ассоциации, часть из которых противоречит общепринятым, что также отражает дискурсивный характер текста.

Итак, с одной стороны, автор передаёт набор устойчивых образов, понятных любому реципиенту и вне контекста. Например, *еда – это жизнь, еда – это здоровье*. С другой стороны, автор романа создаёт необычные образы. Приведём примеры, которые на основании выработанного алгоритма были отнесены в область ближней периферии.

Еда – любовь. На протяжении всего произведения еда для автора – это вер-

ный способ проявления материнской любви и заботы: *If we fell ill she would care for us with reluctant tenderness, as if calculating the cost of our survival, and what love she showed took the most elementary forms: cooking pots to lick, jam pans to scrape, a handful of wild strawberries collected from the straggling border behind the vegetable patch and delivered without a smile in a twist of handkerchief* [9, p. 13–14]. Приведённый пример отличает большое количество эпитетов, отражающих характер героя. В частности, оксюморонный эпитет *reluctant* (неохотный) к существительному *tenderness* (нежность) придаёт дополнительную контрастность и эмоциональную нагрузку указанному образу.

Примечательно, что, став взрослой, главная героиня вслед за своей матерью рассматривает процесс приготовления пищи как способ выражения материнской любви: *For them I learned to be a mother again, cooking pancakes and thick herb-and-apple sausages* [9, p. 32].

Однако автор произведения связывает еду не только с материнской любовью. Главная героиня, будучи ребёнком, испытывает глубокое чувство привязанности к мужчине, который, в свою очередь, проявляет к ней расположение и симпатию, демонстрируя это через еду: *He reached into his pocket and brought out something wrapped in silver paper. “Here. You’ll like it. It’s chocolate”* [9, p. 131]; *You’ll have to share, I’m afraid. I could only find one.” And he held out an orange* [9, p. 154].

Ещё один образный ряд, обнаруженный нами в тексте – **еда – страсть / увлечение**. В романе наблюдается динамическое развитие данного образа как источника радости и вдохновения: *Cooking always was her first love*

[9, p. 420]; *Food was her **nostalgia**, her **celebration**, its **nurture** and **preparation** the sole outlet for her creativity* [9, p. 14–15]; *All through summer I tried to get at those plumps. I tried everything. I **could hardly think of anything else*** [9, p. 131]. В данных примерах автор романа использует ряд стилистических приёмов, выдвигающих глубинную информацию текста на первый план, например, градацию, где каждое последующее слово оказывается более насыщенным и выразительным (*nostalgia, celebration, nurture, preparation, the sole outlet*). Этот же эффект достигается за счёт гиперболы *the sole outlet, could hardly think of anything else*.

Периферийная зона концепта расширяется за счет ассоциативного ряда **еда – деньги**. В семье главной героини романа кулинария занимает центральное место, не только как источник пропитания, но и как способ заработать деньги для выживания: *It took the shop to make me a part of the community. It began as a shop, though I had always intended to expand later... At first I sold them from the local bakery, then from the farm itself, adding other items little by little: eggs, goat's cheeses, fruit liqueurs and wines. With the profits I bought pigs, rabbits, more goats* [9, p. 24]; *Yannick coughed. "What my father means," he amended hastily, "is that we could all benefit from the situation. The possibilities are endless if the thing catches on. We could market Mamie Framboise jams, Mamie Framboise biscuits... Of course, Mamie, you'd have a substantial percentage..."* [9, p. 43].

Концепт *Food* в романе приобретает и негативное коннотативное значение, становясь в определённый момент источником болезни и беды, и таким образом расширяя привычные ассоци-

ативные границы периферийной зоны. Назовём этот сегмент концептосферы **еда – болезнь / беда**. Главная героиня, подкладывая апельсиновые корки в спальню матери, намеренно вызывает у неё сильнейшие приступы головной боли: *Felt it coming this morning," she said tonelessly. "Knew it was going to be a big one. Only saw half the clock. Smelt oranges. Get the stick. Help me* [9, p. 53]; *Sometimes she would ask, "What's the time?" even though the big round kitchen clock was just in front of her. And always at these times, the same sharp, suspicious question: "Has any of you brought oranges into the house?"* [9, p. 60]; *Of course, the oranges of her bad spells were purely imaginary. The scent heralded her migraines, and within hours she was lying in darkness with a lavender-soaked handkerchief across her face and her pills to hand beside her. The pills, I later learned, were morphine* [9, p. 61]. В данном примере автор использует конвергенцию стилистических приёмов: метафора (*heralded her migraines*), эпитет, аллитерация (*suspicious question*). В данном примере примечательно пересечение темы **еда – болезнь** с темой **времени**. Акцентируя внимание на часах, автор романа как будто останавливает время, усугубляя при этом тему **боли**. Необходимо отметить, что в сюжетной линии романа размыты временные границы. Здесь переплетаются два времени, и концепт *Food* является своеобразным рычагом перехода от мира настоящего в мир прошлого, при этом пространство повествования сохраняется. Кулинарная книга перемещает главную героиню, а вместе с ней и читателя, во времена второй мировой войны. Отмечаем, что данное авторское решение является дополнительным элементом дискур-

сивности – полилогом современности и исторического прошлого.

Подобное решение вызывает к жизни ещё один ассоциативный ряд, подчёркивающий уникальный идиостиль Джоанн Харрис – **еда – воспомина- ния**. Листая поваренную книгу матери, главные герои не только вспоминают вкус знакомых блюд, но также и самих себя в прошлом, как будто становясь моложе: *At first he seemed more interested in the recipes than anything else. Flicking through the album, his fingers seemed to have retained some of their old deftness. “Tarte mirabelle aux amandes,” he whispered. “Tourteau fromage Clafoutis aux cerises rouges. I remember these!” His enthusiasm was suddenly very young, very like the old Cassis* [9, p. 47]. Яркие вкрапления французских названий блюд уже не требуют перевода. Их экзотическое звучание способствует разыгрыванию аппетита и возбуждению не только вкусовых рецепторов реципиента. Этот авторский ход служит ещё одному элементу дискурсивности – «читатель – герои». Данное авторское решение способствует внедрению читателя в референтную ситуацию, делая его незримо присутствующим в комнате, где находятся герои. Таким образом, поваренная книга становится своеобразной машиной времени.

Следует отметить, что в художественном произведении немалое значение имеет экстралингвистический контекст – обстановка, время и место, а также факты реальной действительности, знание которых помогает читателю правильно интерпретировать глубинный смысл текста. Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин в своём труде цитируют Д.С. Лихачева: «Нет чётких границ между литературой и реальностью»

[3, с. 31]. Действие изучаемого романа происходит во французской деревне, и Джоанн Харрис, являясь наполовину носителем французской культуры, зная в совершенстве французский язык, сама находится в центре сюжетной линии. В подобном контексте можно говорить о пространственном совпадении повествователя и персонажа [3, с. 103]. Пространственную информацию и конкретизацию описываемых событий несут в себе, в том числе, и весьма частые иноязычные вкрапления, которые видны в вышеприведённом примере (*Tarte mirabelle aux amandes, Tourteau fromage Clafoutis aux cerises rouges*).

И, наконец, ещё одно ассоциативное поле, несвойственное обывателям – **еда – мечта**. Действие романа происходит в военные времена, когда голод – обычное явление. Но желание главной героини поймать щуку связано не с утолением голода, но с утолением жажды власти над природой. Пойманная рыба – это символ детского бунтарства и протеста, это знамение её превосходства, это способ воплощения мечтаний, способ привлечь к себе внимание объекта страсти: *I told myself I didn't believe in curses or wishes for free. But the image of the old pike wouldn't let go* [9, p. 70]; *I spent most of my waking hours-and many of my sleeping-devising ways of trapping Old Mother* [9, p. 79]; *I'd show them. The day I caught Old Mother they'd all look at me in amazement* [9, p. 83].

В заключение подчеркнём, что текстовые единицы приобретают в дискурсном языке культуры дополнительную семантику с особыми коннотативными, образными, оценочными и ассоциативными характе-

ристиками. Без привлечения знаний истории, географии, психологии и прочих смежных областей знания достижение глубинного смысла романа невозможно. Интерпретация романа сквозь призму глоттонического дискурса, подразумевающего знание указанных компонентов, способствует повышению информативности словесной ткани текста. Презентация глоттонического дискурса в романе происходит за счёт вербализации концепта *Food*, который, с одной стороны, представлен с помощью ряда связанных между собой групп ЛЕ (знаки-

глоттонимы, знаки-инструментативы, знаки-квалификаторы, знаки-персоналии, глоттонически-окрашенные антропонимы), с другой стороны, за счёт образных глоттонических номинаций (еда – любовь, еда – страсть / увлечение, еда – деньги, еда – болезнь / беда, еда – воспоминания, еда – мечта). Исследуемый роман представляет собой яркий пример несовпадения авторских образных номинаций с закрепившимися в той или иной лингвокультуре. Тем не менее, именно они являются существенными для раскрытия глубинного смысла романа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум 4-е изд., испр. М. Флинта: Наука, 2006. 496 с.
4. Земскова А.Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Волгоград, 2009. 23 с.
5. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. М.: Флинта: Наука, 2014. 352 с.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. 228 с.
7. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 408 с.
8. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 30.

Источники:

9. Harris J. Five quarters of the Orange. Black Swan, 2002. 560 p.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk: uchebnik dlya vuzov. [Stylistics. Modern English: textbook for universities. 4-e Izd., Rev. and supplementary]. 4-e Izd., Rev. and supplementary. Moscow: Flint, Nauka, 2002. 384 p.
2. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse] Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. [Linguistic encyclopedic dictionary.]. M, Sov. Entsiklopediya, 1990. pp. 136-137
3. Babenko L.G., Kazarin YU.V. Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik; Praktikum [Linguistic analysis of literary text. Theory and practice: Textbook; Workshop]. 4-e Izd., Rev. M, Flinta: Nauka, 2006. 496 p.
4. Zemskova A.YU. Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: avtorref. dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.04. Volgograd, 2009. 23 s.

- kogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.04 [Linguistic and semiotic characteristics of English gastronomic discourse: abstract of PhD thesis in Philology: 10.02.04]. Volgograd, 2009. 23 p.
5. Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov: kollektivnaya monografiya [Intertextuality and figures of intertextuality in the discourses of different types: collective monograph / ed. by T. N. Kolokoltsev, V. P. Moskvina]. M., Flinta: Nauka, 2014. 352 p.
 6. Karasik V.I. O tipakh diskursa [On the types of discourse] // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. tr [Linguistic personality: institutional and personal discourse: coll. sc. papers]. Volgograd, Peremena, 2000. 228 p.
 7. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa [Presentation theory of discourse]. M., Gnozis, 2007. 408 p.
 8. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 30.
 9. Harris J. Five quarters of the Orange. Black Swan, 2002. 560 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петришина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrishina Elena – candidate of philological sciences, associate professor at English Philology department of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow State Regional University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Петришина Е.Ю. Лексико-стилистические особенности использования глуттонимов в условиях художественного текста (на примере романа Дж. Харрис «Пять четвертин апельсина») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 33–40. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-33-40

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Petrishina. Lexico-stylistic peculiarities of gluttony usage in a literary text (study of “Five quarters of an orange” by J.Harris) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no 1. pp. 33–40. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-33-40